

УДК 130.2

Ерохин Алексей Михайлович, Каширина Ольга Валерьевна

ДОМИНИРОВАНИЕ КРЕАТИВНОСТИ КАК КЛЮЧЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АНТИКРИЗИСНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Антикризисные практики, как и познавательная деятельность студента и каждодневное творчество преподавателя, наполнены креативностью (со-творчеством), являются неотчужденными формами общественного бытия, а потому всегда самомотивированы и свободны.

Ключевые слова: креативность, креатосфера, полифонирование, неотчужденность, самомотивация.

Erokhin Aleksey M., Kashirina Olga V.

CREATIVITY DOMINATION AS A KEY CHARACTERISTIC OF THE ANTI-CRISIS ACTIVITY

Anti-crisis practices, as well as student cognitive activity and teacher everyday creation, are full of creativity (co-creation), and are non-alloof forms of social being, that's why they always are self-motivated and free.

Key words: creativity, creatosphere, poliphonation, non-alloofness, self-motivation.

Доминирование креативности и возникновение креативного класса. Креативность (англ. *creativity*, от лат. *creation* – творить) – это творческий потенциал личности, способность находить нестандартные решения проблем, создавать новые идеи, концепции, произведения искусства, – именно так определяется это понятие в Большой российской энциклопедии (2010). Психологи и социологи, изучающие творчество (Л. С. Выготский, Б. Г. Ананьев, Д. А. Леонтьев, Г. В. Иванченко, и другие [1]), среди важных черт творческой личности называют: открытость миру, легкую мобилизацию энергии, доступ к своему подсознанию, повышенную восприимчивость, чувствительность к проблемам и людям, склонность к фантазированию, импульсивность, интеллектуальную гибкость, оригинальность, эмпатию. Однако креативность не сводится ни к одной из этих черт, в том числе и к интеллекту. Оказывается, что творческие личности нередко хуже других решают простые, шаблонные интеллектуальные задачи (с этим связаны многие психологические затруднения одаренных детей). Такие же ограниченные результаты дает использование психологических тестов для диагностики креативности как особой черты личности или ее способности. Многочисленные программы тренинга и стимулирования креативности, также дают неоднозначные результаты. Но что же в таком случае представляют собой креативность. Можно ли ее стимулировать?

Американский психолог А. Маслоу (1908–1970), один из лидеров так называемой гуманистической психологии, выдвинул «холистически-динамическую» теорию мотивации, согласно которой существует иерархия потребностей: истинно человеческие потребности в творчестве и самоактуализации возникают лишь после удовлетворения потребностей биологического и социального характера. Потребности в творчестве и актуализации, находящиеся на вершине построенной А. Маслоу трехгранной пирамиды потребностей, рассматриваются им как системное качество креативности, как функция целостной личности [2]. Американский психолог Р. Ф. Баррон считал, что креативность личности можно рассматривать как установку на оригинальность [3]. Особый интерес ученых вызвали предложенные американским психологом Д. Гилфордом (1897–1987) методики исследования дивергентного (творческого) мышления, которое он противопоставил конвергентному (алгоритмическому) мышлению как процесс решения задач, не имеющих единство верного ответа и стандартного пути решения [4].

Таким образом, и российские, и зарубежные исследователи отмечают общие свойства креативности как системного качества целостной личности – оно является истинно человеческой потребностью и может быть стимулировано с положительным эффектом при помощи повышения мотивации и уверенности в себе, раскрепощения сознания.

Современные российские философы и социологи идут дальше в изучении креативности. Так, Л. В. Скворцов, рассматривая сущность духовного творчества, обращает внимание на его цивилизационный характер, помогающий человеку создавать цивилизации и одновременно находить собственную опору для духовного здоровья и духовной целостности. «Определение опоры, – пишет Л. В. Скворцов, – и есть начало созидания цивилизации. Завораживающая сила творчества состоит как раз в том, что в творческом акте человек находит ответ на вопрос о пути бытия, позволяющем отступить от бездны небытия, освободиться от скрытого ужаса перед этой бездной... Вне цивили-

зационного творчества человек оказывается перед бесконечностью, теряется в ней, переживает виртуально постоянное духовное состояние процесса своей деструктивности» [5, с. 13].

Анализируя диалектику «со-творчества» и выдвигая гипотезу «исторической ограниченности поля (пространства и времени) применения классической (гегелевско-марксовской) диалектики как адекватной *par excellence* для исследования эпохи отчуждения», А. В. Бузгалин обосновывает идею о необходимости и возможности развития новой логики диалога («полифонировании» – Г. Батищев), а также «перехода к исследованию принципиально новой реальности – креатосферы, мира со-творчества» [6].

Заканчивая краткий обзор современных теорий креативности, отметим концепцию креативного класса, которая возникает в контексте сложных социальных и экономических процессов, характеризующих конец XX века (У. Бек, М. Вебер, Р. Дарендорф). В российской социологии и политологии эту концепцию развивает известный ученый Ю. Г. Волков. Отмечая возникшее в обществе противоречие, он пишет: «Потребность в общественном творчестве, общественном обновлении обнаруживает противодействие в социально-имитационных практиках, направленных на замещение реальных результатов и оценок симуляцией общественной и политической активности» [7]. Волков Ю. Г. считает, что нельзя пройти мимо тенденции «псевдоизменений», ведущих к воспроизводству модели социальной стагнации, реализации формулы «изменения, ничего не изменяя», стимулирующей сохранение проблемности общественной жизни путем выдвижения на первый план личности имитационной, на индивидуальном и групповом уровнях осуществляющей стратегии «быстрого успеха», «паблисити», «присвоения власти» через актуализацию и внедрение симулякров, квазиреальностей подобий перемен. В этих случаях креативность выступает индивидуальным качеством, ориентированным на самореализацию ценой отклонения универсальных социальных норм. Это проявляется по-разному на социальном уровне, где население привыкло к имитационности в социальной и политической сферах, и на микроуровне, где в повседневности мы относимся с терпимостью к «энергичным» людям, добивающимся успеха на основе подражания или социального авантюризма. Для креативного класса на первое место выступают не экономические или иные объективные социальные связи. Важное место приобретает аксиологическое измерение, моральные ценности креативного класса: доверие, солидарность, лояльность по отношению друг к другу, невызываемые внешними влияниями. Этим и проявляется доминирование креативности и креативного класса, в противовес социальной имитации.

На наш взгляд, в изучении этого феномена доминирования в обществе креативности и формирующегося креативного класса должны найти отражение проблемы подготовки не только управленческих, но и других кадров с университетским образованием как потенциальных представителей новой креативной волны российского общества. Нам могут возразить, что теоретически сконцентрированный класс нельзя отождествлять с реально существующими, что позитивный и негативный опыт изучения среднего класса, так и не сформировавшегося полноценно в современной России, свидетельствует об этом. Наш ответ прост. В условиях «затяжного» глобального кризиса, переживаемого и Россией в той мере, в какой она вошла в глобальный капиталистический рынок, креативный класс отклоняет имитационные практики. Он откликается на требования времени, осознавая потребность России в креативном прорыве, в общественном творчестве. И такая потребность формируется у молодежи уже в студенческие годы.

Антикризисный потенциал студенчества как формирующегося креативного класса. Российская система высшего образования тоже находится в процессе серьезной трансформации. Отдельные специалисты в области изучения образования считают даже, что российское образование находится на пороге «пятикратного кризиса». Так О. Н. Смолин, заместитель председателя Комитета по образованию Государственной Думы, член-корреспондент Академии образования и Президент общества «Знание» называет пять причин такого кризиса: 1) влияние экономического кризиса на систему образования РФ (снижение платежеспособности населения, уменьшение бюджетного финансирования государственных вузов, снижение инвестиций в инновационное развитие вузов, уход молодежи в криминал и в радикальные антисоциальные группировки – скинхеды и т. п., в связи с сокращением числа студентов на фоне роста безработицы и др.); 2) образовательные последствия демографического кризиса (сокращение числа выпускников средних школ, снижение притока внебюджетных студентов, снижение занятости в сфере образования и др.); 3) новый порядок приема в вузы и ссузы как фактор кризиса (последствия ЕГЭ и др.); 4) политика Министерства образования и науки (МОН) РФ как фактор кризиса (критика деятельности российских вузов и призывы к их массовому сокращению с 1 000 до 150–200, введения подушевого финансирования к отраслевой – фактически региональной или даже, муниципальной – системы оплаты труда и др.); 5) кризис, созданный «цифровым разрывом» (в международных рейтингах по различным параметрам развития

электронного обучения и готовности к нему Россия занимает в лучшем случае 38 место, а в худшем – 71, причем отставание от развитых стран – «цифровой разрыв» с каждым годом увеличивается на 2–3 позиции за счет того, что произошел фактический запрет со стороны МОН РФ сетевых экстерриториальных структур, филиалов, представительств университетов, реализующих обучение в режиме информационно-образовательных технологий; в результате ежегодно переподготовку и переобучение проходят 2,5 % работников, тогда как развитие страны переобучают 50–60 % и ставят задачу довести этот показатель до 80 %) [8].

Как видно из приведенной выше точки зрения, почти все причины кризиса в образовании сводятся к административным мерам МОН РФ и правительства в целом. Между тем существует и противоположная точка зрения, что эффективное развитие отечественного высшего образования возможно только через создание в вузовской сфере реальной конкурентной среды. Так считает, например, генеральный секретарь Российского союза ректоров Ольга Валентиновна Каширина. Отличительные признаки конкурентной среды, утверждает она, – равные возможности для всех вузов и четкая связь государственной поддержки университетов с показателями их развития: «Общество все более настойчиво задается вопросом об адекватности отдачи от огромных вложений государства в развитие вузов, названных ведущими... Традиция корпоративной солидарности российского сообщества придает конкуренции уникальный характер: стремление добиться наивысших результатов для своего вуза сопровождается ответственностью для системы в целом. Важно сохранить единое образовательное пространство, добиваясь его современного качества. А значит, развивая свой вуз, нужно делать все для сохранения столь важного многообразия университетов» [9].

Такая постановка вопроса о преодолении кризисных явлений в образовании путем создания конкурентной среды представляется нам более реалистичной. В Министерстве образования создан специальный Совет по повышению конкурентоспособности ведущих университетов РФ. В ноябре 2013 г. здесь слушали презентации дорожных карт – подробных планов развития вузов до 2020 года, реализация которых позволяет им войти в состав первой сотни лидеров мировых рейтингов наравне с ведущими научно-образовательными центрами других стран. В этих планах отражены ответы на некоторые вопросы. Как именно будет идти формирование кадрового резерва руководящего состава вуза? Чем планируется привлекать в него молодых ученых, имеющих опыт работы в ведущих иностранных и отечественных научных организациях? Что будет сделано для усиления международной и внутрироссийской академической мобильности научно-педагогических работников? А для совершенствования деятельности аспирантуры и докторантуры? Какие образовательные программы будут реализованы совместно с ведущими зарубежными и российскими вузами? Не планируется ли вузом ребрендинг для более эффективного привлечения зарубежных студентов в свои аудитории? В итоге были отобраны 12 лучших ведущих вузов России, намечено еще три, которым рекомендовали доработать свои планы. Все 15 вузов получают уже 2013–2014 г. солидное финансирование в сумме от 1,1 до 1,5 млрд рублей [10]. Как видим, этим вузам будет оказана специальная поддержка. При составлении перспективных планов каждым подразделением СКФУ и университета в целом и нам тоже пришлось отвечать на названные и многие другие вопросы. Однако у нашего университета особая миссия в Северо-Кавказском федеральном округе. Ведь когда его создавали, предполагалось, что Ставропольский край и созданный в Ставрополе СКФУ должны стать инновационным локомотивом, который потянет за собой экономику и культуру соседних республик. Нам следует подумать о том, как в научной и педагогической работе лучше использовать возможности Северо-Кавказских республик на договорной основе. Ведь смогли же подписать Договор о сотрудничестве между Республикой Дагестан и «ФГБУ высшего профессионального образования МГУ имени М. В. Ломоносова», в котором предусматриваются совместные научные исследования в интересах республики, научно-техническая и инновационная деятельность, целевая подготовка высококвалифицированных специалистов для отраслей экономики и социальной сферы, меры по повышению престижа и создания условий для воспроизводства школ, выявлению и поддержки талантливых исследователей, содействию творческому росту молодежи [11].

Вузовская молодежь как резерв современного креативного класса не сможет выполнить этой своей роли, если не будет отвечать новым требованиям времени. В связи с вступлением России в ВТО тенденция глобализации может негативно проявиться на внутреннем рынке образовательных услуг, обострив конкурентную борьбу российских вузов с мировыми образовательными корпорациями. Повышение конкурентоспособности образовательных услуг может быть обеспечено за счет интеграции инновационного потенциала, применения новых образовательных технологий и создания корпоративных образовательных ресурсов. Особую актуальность приобретает процесс нацио-

нальной и международной стандартизации информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в образовании в связи с принятым Федеральным законом РФ «Об образовании в Российской Федерации». В нем предусматриваются инновации в развитии трансграничного образования, международная и национальная стандартизация ИКТ – образования, законодательная база для развития электронного обучения, автоматизация управления системой образования и образовательными организациями, образовательные кластеры, подготовка и переподготовка кадров на основе электронного обучения, гарантии качества и общественно-профессиональная аккредитация образовательных программ и организаций, психолого-педагогические и технологические аспекты создания электронных образовательных ресурсов нового поколения, защита интеллектуальной собственности в сфере информатизации образования, социальные аспекты применения ИКТ в образовании.

Все это будет усиливать доминирование креативности в образовательном и воспитательном процессе в университете, в подготовке нового резерва российского креативного класса.

Литература

1. Выготский Л. С. Психология развития человека. М.: Изд-во Смысл; Изд-во Эксмо, 2005. 1136 с.; Ананьев Б. Г. Психология и проблемы человекознания. М.: Изд-во «Институт практической психологии». Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. 384 с.; Леонтьев Д. А. Психология смысла. М.: Изд-во «Смысл», 2003. 488 с. Иванченко Г. В. Стратегии профессионального самоопределения и репрезентации профессионализма // Психология: Журнал Высшей школы экономики. № 4. 2005. Том 2. № 2. С. 24–51.
2. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб. Евразия, 1999.
3. Баррон Р. Ф., Горбачев С. П., Сидоров Е. В. Криогенные системы / ред. А. К. Городов; пер. с англ. М.: Энергоатомиздат, 1989. 406 с.
4. Гилфорд Д. П. Три стороны интеллекта // Психология мышления. М. 1965.
5. Скворцов Л. В. О сущности творчества // Человек: образ и сущность (Гуманитарные аспекты): Ежегодник / РАН ИНИОН. 2001: Философия и психология творчества. 260 с.
6. Бузгалин А. В. Диалектика: реактуализация в мире глобальных трансформаций // Вопросы философии. 2009. № 5.
7. Волков Ю. Г. Креативный класс versus имитационных практик // Гуманитарий Юга России. Научный журнал. Ростов-на-Дону. 2012. № 1.
8. Смолин О. Н. Кризис: экономика, политика и образование (анализ и хроники) / Кризис: альтернативы будущего (глобальный контекст и российская специфика). М., Культурная революция, 2010. 368 с.
9. О лучших и ведущих. РСР – за реальную конкуренцию вузов // Поиск. № 43. (2013). 25. 10. 2013.
10. В битве амбиций. Дюжине российских вузов выданы путевки в мировые лидеры // Поиск. № 44 (2013). 01.11.2013.
11. Аргументы недели. № 45 (387). 21.11.2013. С. 17.

УДК 94(470.63) "19"

Зверева Людмила Алексеевна

УПРАВЛЕНЦЫ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ СЛОЙ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА: ФОРМИРОВАНИЕ И ХАРАКТЕРИСТИКА (НА ПРИМЕРЕ СТАВРОПОЛЬЯ)

Автором рассмотрены малоизученные вопросы истории первого советского десятилетия на Ставрополье. Статья посвящена характеристике деятельности советских служащих в первое советское десятилетие.

Ключевые слова: советские служащие, советские органы власти, партийный стаж, анкетирование.

Zvereva Ludmila A.

MANAGERS AS A SOCIAL GROUP OF THE SOVIET SOCIETY: FORMATION AND THE CHARACTERISTIC (ON THE EXAMPLE OF THE STAVROPOL REGION)

The author considered the understudied questions of history of the first Soviet decade in the Stavropol region. Article is devoted to the characteristic of activity of the Soviet employees in the first Soviet decade.

Key words: Soviet employees, Soviet authorities, party experience, questioning.

В результате любой революции – буржуазной, демократической, социалистической – происходит переход власти в руки новых политических сил, прежде всего их лидеров. От их политиче-